

Глава XI. Ларго Кабальеро восстанавливает республиканское государство

4 сентября Ларго Кабальеро нарушил таинственное молчание и сообщил испанцам, что займёт пост премьер-министра и будет руководить военными действиями. В его правительство войдут пять министров-социалистов (Хуан Негрин — министерство финансов; Хулио Альварес дель Байо — министерство иностранных дел; военный флот возглавит Индалесио Прието). Коммунисты получали два министерства: сельскохозяйственное (Висенте Урибе) и министерство образования (Хесус Эрнандес). Остальные министерства возглавляли республиканские политики, тесно связанные с Мануэлем Асаньей.

Ларго Кабальеро брал на себя задачу восстановить расчленённое государство, подвергнувшееся атаке военных мятежников и взятое под защиту народом. Задачу возрождения государства не мог исполнить никакой другой политик, кроме Ларго Кабальеро. Он не только был идеальным кандидатом для этой миссии, но и, кроме того, пользовался престижем в рядах рабочего класса. Агенты Москвы в Испании, руководимые итальянцем Тольятти, именно так позиционировали его в среде руководителей Коммунистической партии; Кабальеро — испанский Ленин: этот слоган нужно было опять вернуть в обращение и подчеркнуть соперничество Кабальеро-Прието. А кроме того, покончить с игрой ВСТ-НКТ. В самом деле, в середине августа 1936 года Ларго Кабальеро пришёл к мысли, что лучшим способом избавиться от правительства Хосе Хирала было заключение альянса с НКТ и образование этими организациями рабочего правительства. Когда это намерение стало известно агентам Москвы, то они задействовали все свои ресурсы, чтобы воспрепятствовать Ларго Кабальеро сделать этот шаг. Приезд сначала Кольцова, а потом Марселя Розенберга в качестве посла Советского Союза в Испании в последних числах августа мог показаться московским дождём с целью помешать старому лидеру ВСТ совершить оплошность. Эти два деятеля организовали всё таким образом, что заставили поверить секретаря ВСТ в его историческую роль в Испании, подобно Ленину в России. У того проснулся аппетит к величию, управлению государством и верховным командованием военными действиями; то был зенит политической славы Кабальеро. Ларго Кабальеро возлежал в прокрустовом ложе, приготовленном ему Коминтерном. Тот факт, что со временем Ларго Кабальеро восстанет против этой диктатуры, анекдотичен; важно то, что в сентябре Кабальеро был подобен испанскому Носке.

Марсель Розенберг стал политическим советником главы испанского государства.

Глава государства не может быть таковым, если не располагает контролем над государственным аппаратом, но ввиду того, что такой структуры не существовало, создание её представлялось неотложным. Государство не может существовать без армии и полиции. Государство, для того чтобы управлять, должно иметь широкую власть. В Испании государственная власть была раздроблена и разделена среди тысяч комитетов, которые исполняли её в своём личном радиусе действия. Представлялось естественным, что поначалу, ввиду беспорядка, возникшего в результате военного мятежа, рабочие встали на защиту Республики. Но впоследствии, после тех первых дней, всё должно было войти в рамки демократической буржуазной республики, где налицо уважение к частной собственности и в особенности к интересам иностранных капиталистов. В данный момент самым важным была победа в войне с Франко, и эта война не могла быть выиграна без поддержки английской и французской демократии. А эти буржуазные демократии никогда не помогли бы такой Испании, которая, по примеру Каталонии, низложила бы правительство Женералитат, а рабочие экспроприировали собственность испанской и иностранной буржуазии. После такого рода размышлений Розенберг передал Кабальеро аспекты политической науки Сталина:

«Испанская революция во многих аспектах идёт другим путём, отличным от русской революции. Это происходит в силу общественного положения, исторических и географических особенностей, а также нужно принять во внимание международную обстановку, отличную от той, с которой столкнулась русская революция. Возможно, путь парламентаризма станет в Испании более эффективным способом, нежели в России».

Для претворения в жизнь этой политики Сталин предоставил следующие правила:

«1. Нужно иметь в виду, что крестьяне составляют в Испании, преимущественно сельскохозяйственной стране, большинство населения. Необходимо продумать возможные аграрные и налоговые реформы, которые бы отвечали их чаяниям. Нужно привлечь крестьян в армию и создать партизанские отряды для действия в тылу фашистских частей. Принятие декретов в пользу крестьян могло бы содействовать набору в армию.

2. Нужно привлечь в правительство мелкую и среднюю буржуазию, и если это не станет возможным — по крайней мере нейтрализовать её в пользу правительства. Для этого необходимо защитить эти слои населения от любой конфискации их собственности и гарантировать им, насколько будет возможно, свободу торговли.

3. Не следует отвергать лидеров республиканских партий — напротив, нужно привлечь их для сотрудничества с правительством. Нужно непременно гарантировать сотрудничество Мануэля Асаньи и его группы, предпринимая всё возможное, чтобы помочь им преодолеть колебания. Всё это необходимо для того, чтобы не дать почувствовать друзьям Испании, что страна стала коммунистической республикой.

4. Можно найти удобный момент для того, чтобы испанское правительство сделало официальное заявление, в том смысле, что не допустит нанесения ущерба собственности и

интересам иностранцев, проживающих в Испании, гражданам тех стран, которые не поддерживают повстанцев»¹³⁰.

Ларго Кабальеро принял близко к сердцу эти мудрые советы и продолжил политику Хосе Хиралы: удушения революционной Каталонии и более активного бойкота на арагонской линии фронта. 11 сентября 1936 года в секторе Уэски развивалась энергичная военная деятельность, речь шла о занятии важных позиций в Съэтамо и Эстречо Кинто; контроль над ними не только позволял отрезать снабжение питьевой водой Уэски, но и взять сам город, в решительной атаке «милисьянос», которые сражались у её ворот. Полковник Вильяльба командовал своей колонной, в составе которой сражалось три тысячи солдат. Между Дуррути и Вильяльбой с самого начала существовали разногласия; их причиной являлось недоверие Дуррути к этому профессиональному военному. Милиции организовали в Сариньене Военный комитет, в котором были представлены все Колонны «милисьянос»; однако Вильяльба, хотя и был сторонником единого правления, настоял на организации собственного Военного комитета, или Военного штаба в Барбастро, в оппозиции комитету в Сариньене. Такая двойкость создавала немало сложностей в организации генеральных наступлений, так как, пока один сектор действовал, другой оставался бездеятельным. Необходимость последовательности военных операций вынудила Дуррути пойти на конфликт с Вильяльбой. Спор был рассмотрен на заседании Центрального комитета антифашистских милиций Каталонии, от которого зависели колонны «милисьянос» арагонского фронта. Одним из обвинений Дуррути в адрес полковника была сдача Съэтамо в августе. За несколько дней до того Вильяльба запросил у Дуррути поддержки для штурма Съэтамо. Колонна выделила несколько центурий из группировки Хосе Миры. За три дня трудных боёв «милисьянос» заняли указанную позицию, и после её взятия она осталась под контролем сил Вильяльбы, причём он принимал на себя ответственность защищать этот пункт, так как имел решающее значение для взятия Уэски. Понял ли Вильяльба, всю важность этой позиции или нет, нам неизвестно, но случилось так, что фашисты предприняли контратаку и разгромили подразделения Вильяльбы, и те были вынуждены оставить Съэтамо.

Таким образом, эта точка превратилась в настоящий кошмар для подразделений, атакующих Уэску, и в первых числах сентября было принято решение вновь взять Съэтамо, но на этот раз бой был намного суровее, так как враг значительно укрепился, вводя в это село для обороны пехотную роту, группу фалангистов и значительные подразделения Гражданской гвардии. Это была укреплённая и защищённая позиция; кроме того, она находилась на высокой точке, с шестью стратегически установленными пулемётами и артиллерийской батареей. Вильяльба вновь запросил поддержки у колонны «Дуррути», и Военный комитет вновь послал Хосе Миру и несколько центурий. 4 сентября они начали сражение под ударами немецкой авиации, которая беспрестанно вела обстрел из пулемётов и бомбардировала атакующих.

«Как только мы предприняли атаку, — пишет Мира, — “Алас Неграс” ни на мгновение не прекратили нападение, превращая в развалины все сёла в нашем тылу (...). Также они летали над нашими “племенами”¹³¹, расстреливая наших “геррильерос” и сбрасывая бомбы без счёта и без меры (...). После трёх дней титанической борьбы нам удалось занять крайние дома в Съэтамо; где бои шли жесточайшие: каждое жилище превратилось в неприступное

убежище, и из всех домов раздавались направленные на наших бойцов смертоносные очереди»¹³².

Свидетельство Миры подтверждено команданте Висенте Гуарнером, которого ЦКАМ послал в качестве наблюдателя в этом сражении:

«Сопrotивление было суровым — я лично мог в этом удостовериться, так как находился рядом с полковником Вильяльбой 4 и 5 сентября. Авиация (вполне возможно, немецкая) из сарагосского поля Гаррапинильос достаточно эффективно подвергла бомбардировке командный пункт, принося большие потери, сражённых насмерть и раненых (...). Огонь из Съэтамо достигал нашего пункта, и бои шли за каждый дом, так как внутри посёлка также укрепили как последнюю линию обороны церковь и замок графа Аранды. Положение защитников было безнадежным, 12 числа они эвакуировали жителей и отступили к укреплениям Эстречо Кинто, находившимся на 6-м километре шоссе на Барбастро, река Элумен представляла из себя ров (...). Наши фотографии с воздуха показывали, что траншеи противника протягивались с Лопорсано и Монте Арагон до холма под названием Плано Лопорсано, перед посёлком Тиерс; они покрывали этот участок и Кисену, на другой стороне дороги, артиллерийскими орудиями, пулемётами, зенитными орудиями и приблизительно одним батальоном личного состава, занявшим выгодные позиции (...). Предпринялась попытка обойти с севера и с юга эти укрепленные линии Эстречо Кинто. 15 и 18 сентября противник оказал довольно сильное сопротивление. 30 сентября в результате блестящей атаки колонны “мильсьянос”, заняли Лопорсано, одновременно сдался Форнильос, находившийся севернее, а на юге велась атака на Тиерс и напрямую наступали на Эстречо Кинто, которому не оставалось ничего другого, как эвакуироваться со всеми укреплениями, покрывавшими Уэску на востоке. Части полковника Вильяльбы нанесли большие потери противнику: мёртвые, раненые, взятые в плен; двенадцать пулемётов, два орудия калибра 75, одно 155 и два зенитных орудия, не считая грузовиков. Дорога на Уэску была свободной...»

В этом рассказе Гуарнер упоминает «колонну мильсьянос», не называя их имени. Однако подчёркивает личность Вильяльбы¹³³.

Продолжим рассказ Миры. Он был не простым наблюдателем, а участником этих военных действий.

«Придавая себе сил криками “Да здравствует ФАИ!”, анархисты бросились на улицы. Натиск первых минут был суровым, и часть наших войск почти достигла церкви, где засели большинство солдат противника, чувствовавшие моральную поддержку оврага Съэтамо (...). Тем не менее атака на этом пункте не остановилась — напротив, мы усилили её при действенной поддержке колонны “ПОУМ” под началом Мануэля Гросси (...). Наши товарищи забрались без какого-либо прикрытия на холмы Эстречо Кинто и за пять дней сражений для нашей революции мы заняли Лопорсано, Эстречо Кинто и Монте Арагон (...). Среди орудий, захваченных у противника, было: в Съэтамо — две пушки калибра 10,5; четыре миномёта 81; восемь пулемётов и триста ружей; а также сто пятьдесят пленников. В Лопорсано приблизительно так же, а в Монте Арагон и Эстречо Кинто — шесть артиллерийских орудий (четыре калибра 7,5 и два 10,5), двенадцать миномётов и тысяча ружей (...). Что наиболее

вдохновило тех бойцов, то это поведение Дуррути за всё время сражения, стойко переносившего трудности войны...»¹³⁴.

С целью пропаганды было решено рассказать о победах в Съэтамо, Монте Арагон и Эстречо Кинто; сочли уместным выступление по радио одного из делегатов колонны с обращением к испанским трудящимся. Такая задача была поручена Дуррути. Профессиональные военные ожидали, что Дуррути в своей речи придаст наибольшее значение темам, существенным для них самих: дисциплине среди солдат и единственному централизованному командованию. Но Дуррути волновало совсем другое. Он видел намерения правительства Ларго Кабальеро; также осознавал, что контрреволюция уже поднимала голову в тылу, в частности в Барселоне, где ОСПК, неизвестная до 19 июля, начинала проявлять себя как политическая сила; к ней обратились все экспроприированные в ходе революции, и деятели «Левых республиканцев Каталонии» с целью создать общий фронт против рабочего класса Каталонии, то есть рабочего фундамента НКТ и ФАИ. Таким образом, то, что едва пятнадцать дней назад никому не приходило в голову, сейчас озвучивалось под некоей маской: не выступали ни против революции, ни против НКТ и ФАИ, но говорили о рабочем классе как о людях «вне контроля», а об их завоеваниях и экономических экспериментах отзывались, применяя унижительные термины, как, например, «сумасшедшие экономические эксперименты, которые саботировали своим “утопизмом” национальную экономику». Выступление Дуррути обязательно должно было затронуть эти фундаментальные для революции темы и угрозы, подстерегающие её в результате образования кабинета министров Ларго Кабальеро¹³⁵.

«Товарищи, на Арагонском фронте рабочие милиции не бездействуют: они атакуют, громят противника и продвигаются вперёд с целью победы революции; но всё это является прелюдией сильной атаки, которую готовят милиции на всём Арагонском фронте. Перед вами, трудящимися Испании, стоит тоже важная задача, потому что революция совершается и закрепляется не путём выстрелов, а путём производства. Не существует фронта и тыла; мы все образуем единый блок, который должен совместно бороться для достижения одной и той же цели. А наша цель не может быть иной, кроме как построить новую Испанию, представительницу рабочего класса.

Рабочие, которые сегодня сражаются на фронте и в тылу, не сражаются для того, чтобы защитить привилегии буржуазии, — они борются за право жить достойно. Подлинная сила Испании — в её рабочем классе и её организациях. После победы НКТ и ВСТ обсудят и придут к соглашению относительно форм и направлений экономической и политической жизни в стране.

Мы, сегодня сражающиеся на поле боя, делаем это не ради наград. И не для того, чтобы стать депутатами или министрами. Когда мы придём к победе и вернёмся с фронтов в города и сёла, то займём наши места на фабриках, в мастерских, полях и шахтах, откуда мы и вышли. Нашей великой победой будет та, которую мы завоем на наших рабочих местах...

Мы — крестьяне и сеем наперекор бурям, которые могут разразиться и подвергнуть опасности наш урожай; мы стоим начеку и знаем, как избежать их. Урожай созрел. Сохраним же зерно! И его достаточно будет для всех, при разделе нет привилегий. В

момент распределения ни Асанья, ни Кабальеро, ни Дуррути не будут иметь право на бóльшую часть. Урожай принадлежит всем, кто трудится постоянно, честно, отдавая свой ум, волю и силу для того, чтобы этот урожай не был похищен.

Трудящиеся Каталонии, несколько дней назад, из Сариньены, я обратился к вам, чтобы засвидетельствовать мою гордость представлять вас на фронте Арагона. Я также говорил, что мы будем достойны вашего доверия к нам и нашему оружию. Но для того, чтобы это доверие и это братство продолжались, необходимо, чтобы мы полностью посвятили себя этой борьбе, до такой степени, чтобы перестали думать о самих себе. А больше всего, товарищи женщины, не следуйте порывам своего сердца и дайте мужчинам сражаться на арагонском фронте. Не пишите им о плохом, терпите сами все трудности. Дайте нам сражаться. Думайте, что от всех нас зависят будущее Испании и судьба наших детей. Помогите нам быть сильными в этой войне, которая требует от нас всей нашей воли, если мы желаем победить!

Товарищи! Оружие должно быть на фронте. Нам нужно оружие, чтобы поднять железный барьер перед врагом. Верьте в нас! Милиции никогда не будут защищать интересы буржуазии. Они есть и всегда будут пролетарским авангардом в этой борьбе, которую мы начали против капитализма. Мировой фашизм полон решимости победить в бою, а мы должны быть полны решимости не проиграть этот бой. Вам, рабочим, находящимся за линиями фронта противника, мы говорим: час вашей свободы близок. Либертарные милиции идут вперёд, и никто и ничто не сможет остановить их, потому что воля всего народа движет ими. Сотрудничайте с нами в нашем деле, саботируйте военное производство фашистов, образуя центры сопротивления и “геррильяс” в городе и в горах. Боритесь все, кто может, до последней капли крови в ваших венах!

Трудящиеся Испании, будьте мужественными! Если написано о том, что в жизни человека наступает момент, когда надо рискнуть, скажем же, что этот момент наступил!

Товарищи! Будем оптимистами! С нами — наш идеал, это наша сила. Вперёд, смелее! С фашизмом не вступают в спор, его разрушают, потому что фашизм и капитализм — это одно и то же!»136.

Версия #1

Зверобой создал 23 июля 2025 16:16:55

Зверобой обновил 23 июля 2025 16:33:31